

Судьба

ОН ШЕЛ, натянув на голову капюшон брезентового плаща, сунув руки в карманы, старательно глядя под ноги...

Было темно. Падая мелкий, холодный дождь, плашмя лежала разбитая, взбухшая от избытка влаги дорога, по обеим сторонам ее черной, непроницаемой стеной стоял лес, а далеко впереди тускло светили огни какой-то деревни.

Он шел долго, но огни, казалось, не приближались. Один раз он оступился, упал и, негромко ругаясь, долго смахивал с плаща липкой грязью. Когда со стороны деревни показался свет фар и послышался шум мотара, он остановился, по тут же зашагал снова, потому что это шла машина с дизельным движком, а для его заглохшего ЗИЛа нужен был бензин, хотя бы несколько литров, потому что до города, где он жил и куда возвращался из командировки, оставалось немногим больше двадцати километров.

Шум двигателя становился громче, свет фар ярче, зашагал бровкой дороги, стараясь не оскользнуться в полненный водой кювет.

Это был КраЗ. Он давно мечтал работать на такой машине, но те, что изредка поступали на автобазу, получали пожилые и многодетные шоферы, а у него не было ни семьи, ни нужного возраста.

Поравнявшись с ним, машина сбавила ход, раздался голос:

— Дружище! Курить не найдется?

— Найдется, — отозвался он.

— Семен?! — удивленно воскликнул водитель КраЗа, когда он подошел ближе. — Ты ли это?!

— Я, Пашка, — хмуро отозвался он, с трудом подымаясь на подножку кабины и протягивая мятую пачку сигарет

— Что случилось-то? — спросил тот, закуривая.

А-а, — Семен поморщился, вяло махнул рукой. — Бензин кончился. Васька Документ, уезжая, высосал. Просил десять литров, а... — не договорил, сплюнул.

— За такие вещи морду бить надо, — заметил Пашка, отодвигаясь в глубину кабины. — Забирайся. Дымку поглотаем, как люди, побазарим, — и заглушил двигатель.

Семен забрался в кабину, откинулся на спинку сиденья. Свет фар упирался в темноту, отражался в многочисленных лужах, грязи.

Чем-нибудь помочь могу? — спросил Пашка, искоса взглянув на него.

— Чем? — Семен пожал плечами.

— Утром Гришка Куролесов на «Урале» покатит. Лови. Он и бензином выручит, и выволочет, если что.

— До утра еще дожить надо, — пробормотал Семен. — Вот в деревню и топаю. Может, кто переночевать пустит. Хотел в кабине, да холодно.

— Не везет тебе, — посочувствовал Пашка, приоткрывая стекло и выбрасывая окурок. — Ни с дорогой, ни с женщинами.

— Это точно, — Семен шумно вздохнул. — Судьба рожу воротит. Но ничего...

— Далась тебе эта судьба, — хмыкнул Пашка. — Ей, бедной, уже, наверное, икается.

— Так, верно, и икается, — буркнул Семен, — если па-кос и устраивает.

— Да разве в судьбе дело, — морщась, заметил Пашка. — Судьба — это все равно что приложение к журналу.

Втемяшил ты себе в башку «судьба», «судьба». Судьба — она вот где! — Пашка сжал кулачишко.

Семен промолчал.

— Извини, Семен, — сказал Пашка, — но мне катить надо.

— Надо — значит надо, — Семен вылез из кабины, приветственно махнул рукой.

Мотор взревел, обволок его запахом перегоревшей солярки, и КрАЗ, вдавливая покорно расплзающуюся под его весом грязь, двинулся дальше.

Семен переступил с ноги на ногу, хотел что-то крикнуть вслед, но лишь махнул рукой.

«Судьба, судьба», — вспомнил он слова Пашки, его сжатый кулачишко и выругался...

«Характер у тебя, Семен, для судьбы не тот, — пришли на память слова Андрея Битова, бригадира. — Внешностью ты что надо, а вот характер... Судьба — она кто? Баба! А баба в мужике что любит? Характер она в мужике любит. Вот ты тут как-то жаловался, что она на тебя и смотреть не хочет. Пройдет мимо, покачивая бедрами, да еще и фыркнет. А ты бы ее в это время за плечи цап и лицом к себе. Поверни, по возможности вежливо, и спроси, пока она от твоей наглости будет глазами хлопать; «Ты чего, мол, разлюбезная, со мной в прятки играешь? Гляди, не посмотрю, что женщина».

— Судьба! — Битов пренебрежительно махнул рукой. — Да с твоими ручищами, комплекцией и зарплатой можно не то что какую-то судьбу, любую женщину с ума свести ничего не стоит. Верно говорю?! — обвел взглядом внимательно слушающих мужиков.

— А если она в ответ пощечину? — спросил Семен.

— Прими как должное, — поддержал бригадира Венька Разов. — И словами ее, словами о любви, еще о чем-нибудь. И слов-то побольше, побольше и одно за одним, одно за одним, чтоб она встрять не могла, а только млела и таяла, млела и таяла.

— И обязательно прижми к себе, — подхватил кто-то. — Но не грубо, а так... в меру. Женщины это любят. Ну, а если поцелуешь невзначай—считан, твоя, без остатка.

— И пощечины были, и слова о любви были, а живу в общаге, — хмуро уронил Семен, глядя в пол.

— Так возьми да и женись, — посоветовали уже серьезно. — Женщин сейчас хватает. Куда ни ткни пальцем, в их брата попадешь.

— Мне мою надо, — буркнул Семен.

— На безрыбье и рак рыба, — хмуро заметил Иван Шестаков. — Года прижмут, женишься на первой, что подвернется. Одиночество, оно... — не договорил, сунул в почти беззубый рот папиросу и ушел, оставив после себя молчание и невеселые мысли.

— Судьба — судьбой, — как бы между прочим уронил кто-то, — а и самому шевелиться надо. На блюдечке с голубой каемочкой тебе никто не поднесет.

— По-твоему, выходит, что я ради спортивного интереса по командировкам мотаюсь?! — взорвался Семен.

— И найти не можешь?

— А ты думаешь, что они вроде километровых столбов стоят, ждут? Вот, дескать, я, Семен.

Наступило молчание.

— Интересно, — задумчиво протянул Лешка Кудом. — Сам а-то судьба замужем?

— Дура она, что ли! — хмыкнули...

Когда он вошел в деревню, дождь перестал и выглянул; луна. Она была бледной и, как ему показалось, чем-то измученной.

В деревне стояла тишина. У покосившегося фонаря, в луже, отражались крыша избы, свет в ее окне, растущая рядом с ветхим забором береза.

Присев перед лужей на корточки, он вымыл сапоги, полы плаща и, чуть помедлив, зашагал к избе.

Калитка был приоткрыта. На узкой дорожке, что пела к крыльцу, блестели лужи. В одной из них плавал вырезанный из коры кораблик с мокрым бумажным парусом.

На нижней ступеньке крыльца лежала тряпка. Он вытер ноги и постучал в дверь.

В глубине избы слышались мягкие шаги, затем встревоженный женский голос:

— Кто там? - Нельзя ли у вас переночевать, хозяйшка, — проговорил он. Машина у меня заглохла, а попутки как назло нет. Наступило молчание. Он посмотрел на соседние избы, вздохнул. Снова закрапал дождь. Луну закрыла лохматая, размашистая туча. Где-то, верно со сна, гавкнула собака.

— Вы один? — спросила женщина.

— Один.

Приглушенно стукнула щеколда, и дверь, надрывно визжа в петлях, медленно отворилась. Пахнуло запахом сырых дров и сладковато-горьким сена.

— Заходите, что уж с вами поделаешь, — вздохнув, негромко проговорила женщина, делая шаг назад и зябко кутаясь в наброшенный на плечи платок. Лицо ее смутно белело в темноте. — Только, пожалуйста, потише, — попросила она, когда он вошел. — Дети спят. Проснутся — до утра будет не уговорить.

— Большое вам спасибо, — шепотом сказал он, когда она закрыла дверь на щеколду.

Сквозь многочисленные щели в стенах сеней скользнул и лег на пол узкими, бледно-голубыми полосками лунный свет.

— Что случилось-то? — тихо спросила женщина, прежде чем отворить дверь в избу.

— Бензин кончился.

— Бензин? — переспросила она. — А много надо?

— Литров десять—пятнадцать. А что, можно где-то достать? Я заплачу... В двойном.

— Богатый, что ли? — женщина усмехнулась и открыла дверь.

Шурша тяжелым, насквозь промокшим плащом, он, чуть согнувшись, переступил высокий порог и остановился.

В избе было тепло, чисто и пахло яблоками. Они лежали в стоящей на столе большой стеклянной вазе — крупные, красные, видимо, недавно вымытые, потому что были усыпаны капельками воды. Чуть в стороне от вазы ярко светила настольная лампа и лежали лоскутки материн, ножницы и очки.

— Раздевайтесь, — тихо произнесла женщина, мельком взглянув на него и убирая со стола все лишнее. — Небось, вымокли, застыли?

— Есть немного, — он посмотрел под ноги, виновато улыбнулся, — грязи я вам принес.

— Грязь не сало, потер и отстало, — легко отозвалась она. — Раздевайтесь.

Он снял плащ, сел на порог и с трудом стянул сапоги. Она, чуть прищурившись, внимательно следила за каждым его движением.

— Плащ расстелите на лежанке, — шепотом сказала она, показывая рукой в сторону русской печи. — Недавно топила. До утра высохнет. И сапоги рядом пристройте. — Глядя, как он, привстав на цыпочки, расстилает плащ, участливо поинтересовалась: — Устали?

— Да как вам сказать, — он пожал плечами. — Дорога у вас...

— Дорога — не приведи Господь, — согласилась она. — В жару каменная, а как дождь — размазня... Чай пить будете?

— Если крепкий да горячий, — он улыбнулся, присел на стоящий рядом со столом табурет,

— Крепкий, — она улыбнулась в ответ и стала накрывать на стол.

— Хорошо у вас, — негромко произнес он, глядя, как она ставит на стол масленку и сахарницу. — Ласково. Спокойно.

— Хорошо, говорите, — женщина усмехнулась. — Чего хорошего-то?

— Ну-у, — он повел рукой. — Все как-то крепко, надежно.

— В городе, поди, тоже не картонные домики строят.

— Я не в том смысле, — выдохнул он. Помолчав, осторожно поинтересовался: — Хозяин-то где?

— Обхожусь, — сухо ответила она.

— А дети откуда? — шутливо спросил он. — От Бога, что ли?

— От него самого, — резко ответила она. — Залетного. Такие, гад, слова красивые говорил, что я и от родной матери не слышала.

— Выходит, что вы богиня, — он примиряюще улыбнулся.

— Выходит, — она скупно улыбнулась. — Доверчивая богиня и брошенная. — Налила чай в чашки, спросила: — Сами-то женаты?

— Нет, — он отрицательно качнул головой.

— Ой ли?! — насмешливо протянула она. — В вашем-то возрасте.

— Так получилось, — он помешал ложкой в чашке.

— И не были? — она склонила голову к плечу, недоверчиво посмотрела на него.

— Нет... Была, правда, одна... Да разонравился.

— А живешь где? — женщина неожиданно перешла на «ты».

— В общежитии, — выдохнул он, обвел взглядом избу:

— У вас дом свой вспомнил... маму. Она точно так же, как и вы, гостей встречала. Ласковая была, красивая... Женщина поводила кончиком чайной ложки по столу, посмотрела в окно, спросила:

— Еще чай пить будете?

— Нет... Спасибо, — он отодвинул чашку, оперся локтями о стол, спросил: — И не страшно вам было незнакомому человеку дверь открывать?

— Если всего бояться, — она пожала плечами. — Я вам на полу постелю.

— Спасибо.

Она принесла и расстелила по полу несколько фуфаяк, накрыла их покрывалом, положила подушку и полушубок.

Он смотрел на нее. Она несколько раз перехватывала его взгляд и чуть заметно улыбнулась, спросила:

— Что вы меня разглядываете? Ложитесь лучше.

— Посижу еще, — помолчав, ответил он. — Отвык я от тишины, и от... — не договорил, повел рукой. — В общежитии до полуночи куролесят. Ребята молодые. А меня в последнее время что-то к тишине потянуло. Старею, видать...

Она внимательно слушала, закусив губу, глядя в окно.

— Как хотите, — сказала она, когда он замолчал. Надела очки и взялась за прерванную его приходом работу.

— А вам очки к лицу, — заметил он. — Вы на учительницу стали похожи.

Она вскинула на него глаза, вдела нитку в иголку, пожаловалась:

— На моем сорванце все как на огне горит. Не успеваю латки ставить.

— Тяжело одной?

— Да уж не сладко, — тихо ответила она. — Сама на работу, а они одни дома остаются... Все сердце переболит. Хоть бы выросли скорей, — тяжело вздохнула: — Правильно в народе говорят — не родись красивой, а родись счастливой... Вот красота уйдет, смотришь, и счастье придет. Сяду я с ним рядышком, обниму и спрошу, где оно столько времени бродило, почему меня не замечало... А то и просто, как маме в подол, поплачусь, — голос ее дрогнул. Она склонила голову над шитьем, стала что-то старательно вырезать ножницами из лоскутка материи.

— Интересно, уронил он, потирая лоб.

— Что?

— Шепотом разговариваем... Словно какую-то тайну скрываем.

— И то правда, — она улыбнулась, поправила упавшую на висок прядку волос.

— Вас как зовут?

— Алевтиной.

— Семен.

— Очень приятно, — она перекусила нитку.

В соседней комнате послышался негромкий кашель. Она прислушалась и быстро вышла...

— Только б не заболел, — обеспокоенно сказала она, вернувшись и снова принимаясь за шитье.

— Просидишь месяц на больничном, а получать... и вздохнула.

— Слушай, Алевтина, — неожиданно проговорил он, тоже перейдя на «ты». — Давай жить вместе.

Она опешила. Какое-то время пристально смотрела на него, затем насмешливо спросила:

— Прямо сейчас?

— Я серьезно, — пробормотал он, глядя на свои ладони.

— Интересно, — она отложила шитье в сторону. — Чего это тебе так загорелось?

— Сам не знаю, — он пожал плечами. — Тянет меня к тебе... Понравилась ты мне... Добрая ты.

— Добрая, — она нервно и резко рассмеялась, но тут же прижала ладонь к губам, посмотрела в сторону другой комнаты. — Доброта моя носами в подушки спит да покашливает.

— Не нравлюсь я тебе? — глухо то ли спросил, то ли подтвердил он, по-прежнему рассматривая свои ладони.

— Слушай, Семен, — помолчав, мягко проговорила она. — Ты со мной еще и часа не провел, а уже предложение делаешь.

— Люди, бывает, и по десять лет вместе живут, а...

— Да зачем я тебе нужна с двумя детьми, — перебила она, поверив в то, что он говорит серьезно. — Пожалел,

что ли?

— За что жалеть-то? — тихо сказал он. — За то, что ошиблась. Так ведь кто не ошибается... Святые если. Так их нет на земле... Ну, так как?

— Нет, — она отрицательно мотнула головой. — Я уж как-нибудь одна... Спасибо тебе на добром слове. Мужик ты хороший, наверное...

— Но почему?! — воскликнул он.

— Тише ты, — прошептала она и, помолчав, с горечью добавила: — Да потому, что не верю я тебе... И рада бы. Всем сердцем рада... Нет. Обманулась раз — хватит... И давай не будем об этом.

Он ничего не сказал.

— Ложись, — тихо попросила она.

— Пойду покурю...

Он вышел из избы, сел на ступеньку крыльца. Закурил. По-прежнему падал дождь и было темно. Деревня казалась вымершей...

— Курил долго...

Она разбудила его рано утром. На столе стояли чайник, чашка и маленькая кастрюлька. — Вставай, — сказала она, стараясь не смотреть на него. — Мне скоро на работу, да и тебе пора. Бензина я тебе дам. Брала у соседа па зиму. Думала, с солью смешаю — вместо керосина будет... Десять литров хватит?

— Должно, — хмуро уронил он и спросил: — Но спала, что ли?

— Спала.

— А чего глаза красные?

— Они у меня по утрам всегда красные, — пробормотала она, накладывая в тарелку каши. — Кушай... Хотела картошки тебе сварить, да возни много.

— Ну, так как? — спросил он. — Согласна?

— Да не верю я тебе! — воскликнула она. — Рада бы, да не могу... О Господи!

— Нет так нет, — пробормотал он. — Насильно, как говорится, мил не будешь...

Проезжая мимо ее избы, он остановил машину, поставил у калитки пустую канистру и поехал дальше. Одолев поворот, остановил машину, хлопнул дверцей и, сунув руки в карманы, зашагал обратно.